

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д92

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Meredith Duran

FOOL ME TWICE

Перевод с английского *М.В. Келер*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения Pocket Books,
a division of Simon & Schuster Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Дьюран, Мередит.

Д92 Обмани меня дважды : роман / Мередит Дьюран ;
[пер. с англ. М. В. Келер]. — Москва : Издательство АСТ,
2019. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-114805-8

Рыжеволосая красавица Оливия Холлидей видит лишь один способ спастись от могущественных врагов — ей предстоит проникнуть под видом новой горничной в дом крупного политика Аластера де Грея, герцога Марвика, и выкрасть у него некие компрометирующие письма.

Однако с похищением писем как-то не складывается, зато Оливия, сама того не подозревая, завладевает сердцем Аластера, запретившего себе любить и доверять женщинам после предательства покойной жены.

Но что будет, если ее тайна раскроется? Выдержит ли Аластер новый удар, новое предательство со стороны той, которая подарила ему счастье вновь обрести любовь?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-114805-8

© Meredith Duran, 2014
© Перевод. М. В. Келер, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

Глава 1

Лондон, 1885 год

Оливия остановилась перед местом своего следующего преступления. Это игра ее воображения, или дом разросся? Все остальные особняки на этой улице казались вежливыми и элегантными, аккуратно выстроившимися за рядами жилой изгороди. Этот же дом разросся. Оливия заметила горгулью, прячущуюся под одним из карнизов и сердито глазющую на нее. Ну конечно, на доме герцога Марвика должна быть горгулья!

Сложив руки, Оливия тоже зло взглянула на горгулью. Она ведь теперь воровка, не так ли? И не важно, что в свои двадцать пять лет она все еще молится перед сном и вздрагивает, услышав ругательства. Теперь она преступница. Преступники не должны ничего и никого бояться — даже герцога Марвика, невероятного тирана.

Смелые мысли. Вот только желудок подскакивал в животе, словно она наелась испорченной пищи.

Развернувшись, Оливия направилась к живой изгороди, окружавшей следующий участок. Святой господь! Неужели именно такой ей хотелось стать? Оливия говорила себе, что у нее нет выбора, но это ложь. У человека всегда есть выбор. Она могла бы снова убежать, уехать во Францию или даже дальше.

Осенний ветерок донес до ее слуха детский смех. В парке, расположенном в центре площади, маленький мальчик играл со щенком в догонялки. Мальчуган носился кругами, визжа от восторга, когда спаниель прихватывал его зубками за пятки. Неужели он здесь один?

Тревога Оливии улеглась, когда она заметила пару, наблюдавшую за ребенком из тени вязов. И это были не няня с лакеем, обычно сопровождавшие на прогулке богатых наследников Мейфэра, — нет, это была супружеская чета: светловолосый и сухопарый муж, с элегантными золотыми часами, пристегнутыми к лацкану. Жена — пухленькая и розовощекая, держалась за его руку и радостно улыбалась сыну.

К горлу Оливии подкатил комок. Если она сейчас уйдет, у нее никогда не будет возможности создать собственный дом без риска. И она навсегда останется одна. Всегда будет убежать.

Строго говоря, воровство и мошенничество аморальны. Но ее дело справедливо, а предполагаемая жертва — тиран. Марвик заслуживает того, чтобы попробовать собственное лекарство. И она не будет испытывать чувства вины!

Поправив очки на носу, Оливия зашагала назад к дому герцога. Медный молоток у двери показался ей скользким. Объявление было напечатано неделю назад, так что место горничной уже может быть занято. И тогда все ее мучительные переживания окажутся бесполезными.

Дверь отворилась. Молоденькая брюнетка, прислонившись плечом к косяку двери, подняла на Оливию глаза.

— Ого! Ничего себе, вы ростом с мужчину! — вскрикнула она. — Полагаю, пришли узнать о месте горничной?

Оливии понадобилось несколько дней, чтобы уговорить Аманду написать рекомендации. Но тут в одну секунду она поняла, что могла бы составить их и сама. Никто не собирается проверять их достоверность, несмотря на то что на звонок отвечает вот это существо.

— Да, — кивнула Оливия. — Место горничн...

— Тогда добро пожаловать в дурдом, — перебила ее брюнетка. — Меня зовут Полли. — Она махнула рукой, приглашая Оливию в ледяной вестибюль — смахивающее на пещеру пространство, выложенное мраморными плитами в шахматном порядке. — Вы захотите познакомиться с Джорджем. Он в кладовой дворецкого. И не спрашивайте, что он там делает — этого никто не знает.

Оливия последовала за Полли по вестибюлю. Казалось, тут недавно произошла драка; около стены были раз-

4 бросаны осколки вазы. Впрочем, возможно, дело было

в чем-то недовольстве, потому что греческая урна у лестницы была набита высохшими розами, а в воздухе стоял кислый запах, словно кто-то во время уборки протер тут все уксусом, но затем забыл смыть его.

Да уж, в самом деле, сумасшедший дом. И первым тут сошел с ума хозяин, догадалась Оливия. Ее бывшая нанимательница Элизабет Чаджерли (которую она обворовала) называла герцога Марвика тираном за то, что тот настойчиво и безжалостно выступал против ее брака с его братом. Но, судя по дому, он требовал от своих слуг меньше, чем от собственной семьи. Как странно!

Тиран, напомнила себе Оливия. Марвик — грубиян, чудовище. Обмануть его будет преступлением, но вполне простительным — в отличие от ее воровства у Элизабет.

— Но вы еще услышите о нашем герцоге, — сказала Полли, когда они оказались в коридоре для прислуги.

Оливия смутилась — на мгновение она подумала, что Полли прочла ее мысли. Но потом Оливия взяла себя в руки.

— Разумеется, — согласилась она. — Герцог Марвик сделал так много чудесных...

Полли фыркнула, и это избавило Оливию от неприятной необходимости лицемерно расхваливать герцога.

— Да вы и половины не знаете, — заявила Полли. Пока они спускались вниз по лестнице, Полли начала многословный монолог, полный отвратительных подробностей, дополнявших общую картину.

Экономка уволилась девять дней назад, после того как герцог запустил в нее туфлей. С тех пор половина горничных просто сбежала. О, жалование по-прежнему предлагается хорошее, но нельзя же ждать, что сумасшедший проживет долго, не так ли? Кстати, ему только тридцать пять. Но герцог уже десять месяцев не выходил из дома. И если это не безумие, то что?

— Это была настоящая веселуха, — заключила Полли, когда они оказались в задней части дома. — Как будто ты заплатила за театральное представление!

— Да уж! — Оливию слегка затошнило. Благодаря письмам, которые она выкрала у Элизабет, ей было известно о ситуации в доме герцога больше, чем следовало. Она даже знала, почему герцог сошел с ума.

Несколько месяцев назад Элизабет завладела письмами, написанными покойной женой герцога. Судя по их содержанию, герцогиня была неверной и вероломной. Узнав об этом, герцог из скорбящего вдовца превратился в полубезумного отшельника — а возможно, и в пьяницу, из-за чего еще, кроме спиртного, он мог бы запустить туплей в экономку?

Полли забарабанила кулаками в дверь кладовки.

— Новенькая пришла! — крикнула она.

Дверь со скрипом приотворилась. В щель высунулась рука с пухлыми пальчиками и схватила рекомендации Оливии. Дверь тут же вновь захлопнулась.

Сложив на груди руки, Полли топнула ногой.

— Ну да, ну да, — громко проговорила она. — У этой вид заслуживает доверия. Клянусь вам, это не Брэдди ее подослал. — Полли улыбнулась Оливии. — Брэдди — один из наших лакеев. Он подумал, что выйдет отличная шутка, если пригласить на собеседование размалеванную леди. Бедный Джонз, ему совсем не было весело.

Оливия ощутила, что ее поза становится все напряженнее. Почему так повел себя управляющий? Почему не уволил Брэдди?

«Это не твое дело», — напомнила она себе. Неразбериха с прислугой в этом доме пойдет ей на пользу. Ее цель — обыскать вещи герцога и найти письма его покойной жены, в которых высказывались предположения о том, что он заводил дела на своих политических коллег, и это были досье, свидетельствующие об их преступлениях. Существовал определенный человек, которого ей очень нужно было шантажировать.

Оливия ждала, что в доме окажется немало внимательных глаз, готовых поймать ее на том, как она вмешивается не в свое дело. Но эти... Да они не заметят, если она выкрадет из дома серебро! Если, конечно, предположить, что тут осталось серебро, которое можно украсть.

— Вам повезло, — заметила Полли, выводя Оливию из задумчивости. — Старый Джонз в таком отчаянии, что, пожалуй, даже не обратит внимания на то, что вы носите очки. При нормальном развитии событий у горничной, которая ничего не видит, едва ли были бы шансы получить работу.

— О! — Заморгав, Оливия поправила очки. Ей такое

6 и в голову не приходило.

— И вам придется забыть о краске для волос, — добавила Полли, прищелкнув языком. — Хороший оттенок рыжего, но для прислуги слишком кричащий.

— Я не крашу волосы. — Оливия подумывала о том, чтобы сделать это для маскировки, но более светлые оттенки краски тут же смывались, а более темные выглядели неестественно.

Полли посмотрела на нее скептически.

— Ого! Тогда, надо понимать, это просто шутка матушки Природы.

— Говорю же: этой мой натуральный цвет. — Если бы Оливия действительно красила волосы, то нипочем не выбрала бы такой оттенок.

Дверь распахнулась. Джонз оказался внушительным джентльменом с бульдожьими челюстями и серебряными, как четырехпенсовик, волосами. Он сжимал в руке рекомендации Оливии, как тонуший сжимает плывущее по воде бревно.

— Это выглядит вполне удовлетворительно, мисс Джонсон.

Полли вопросительно взглянула на Оливию.

— Мисс Джонсон, да? — спросила она.

Простые комнатные горничные не заслуживали столь официального обращения. Оливия с ужасом подумала о том, что Аманда не послушалась ее наставлений: ни слова не писать в рекомендации об образовании Оливии и уделить побольше внимания ее опыту в уборке и уходе за большим домом. Не то чтобы она умела это делать, по правде говоря...

— Пойдемте, пойдемте, — сказал Джонз, протискиваясь в открытую дверь и едва не взлетая вверх по лестнице. — Следуйте за мной, прошу вас.

— Наша лучшая гостиная, — объявил Джонз. Выведя Оливию из салона, он проворно зашпешил по коридору. — Так вы два года работали в доме леди Риптон?

Оливия торопливо шла следом за ним. В коридоре выстроились римские статуи, чьи напряженные, мраморные лица неодобрительно смотрели на непривычное зрелище: управляющий, который должен занимать высшую ступень в иерархии прислуги, показывает дом своей будущей подчиненной.

— Да, сэр, — ответила Оливия. — Я два года работала горничной в верхней части дома.

Это, конечно, ложь. Оливия получила профессию секретаря. Но ей несказанно повезло: Аманда, с которой она вместе училась в школе машинописи, недавно вышла замуж за виконта Риптона. Поэтому для Оливии было так важно получить ее рекомендации. Если сама виконтесса Риптон сказала, что Оливия была прекрасной горничной, то этот бедный, переживающий настоящую осаду дворецкий нипочем не усомнится в ее словах.

— Мне хотелось бы знать... — Джонз почесал подбородок. Казалось, его больше всего интересует клочок бороды под ухом, который он явно пропустил во время утреннего омовения. Серебристые волосы на этом клочке были на добрый дюйм длиннее, чем остальная борода.

Под зачарованным взглядом Оливии Джонз вспомнил о своих манерах и, покраснев, сунул руку в карман жилета.

— А вы, случайно, не грамотная? — поинтересовался дворецкий.

Оливия могла бы ответить ему на французском, итальянском или немецком. Но, пожалуй, это было бы слишком демонстративно, да и негоже для горничной.

— Да, сэр, — кивнула Оливия. — Я умею читать и писать.

— Боюсь предположить, что вы и с цифрами умеете обращаться.

Да, умение считать не входило в обязанности обычной горничной. Но противиться умоляющему взгляду Джонза, устремленному на нее, было невозможно. Он казался в полном отчаянии.

— Да, — сказала она. — Я вполне хорошо считаю.

По лицу Джонза пробежало облегчение, которое, как ни странно, сменилось чем-то, сильно напоминающим чистой воды тревогу. Он остановился возле другой двери.

— Библиотека, — сообщил дворецкий, но прежде чем он успел показать ее Оливии, за углом раздался хриплый смех, от которого Джонз поморщился. — Сегодня у нас какая-то неразбериха, — торопливо произнес он. — Но можете мне поверить, обычно я не допускаю ничего подобного.

Его смущение оказалось заразительным. Когда смех раздался вновь, Оливия почувствовала, что и ее лицо зали-

8 вает краской, как у Джонза.

Из-за угла выскочили две горничные. Одна из них держала в руках открытый журнал, а другая наклонялась, чтобы с глупым видом поглазеть в него.

— Мьюриел!

Горничные на мгновение замерли, а затем, к изумлению Оливии, развернулись и направились туда, откуда пришли.

Джонз бросил им вслед сердитый взгляд. Но, как заметила Оливия, его гнев быстро испарился. Вместо того, чтобы окликнуть их и устроить заслуженный нагоняй, он вздохнул и покачал головой.

— У вас есть ко мне какие-нибудь вопросы, мисс Джонсон? — спросил он.

Оливия на мгновение задумалась.

— Ну-у... Жалованье, разумеется.

— Двадцать пять фунтов стерлингов в год, а после пяти лет службы повышение до тридцати, — ответил Джонз. — Что-нибудь еще?

Оливия судорожно вспоминала, что обычно волнует горничных.

— Когда его светлость уезжает, мы должны путешествовать с ним? Или мы останемся в доме?

Едва задав этот вопрос, Оливия тут же о нем пожалела, потому что дворецкий бросил на нее страдальческий взгляд.

— Я не думаю... — Он откашлялся. — Его светлость не будет закрывать дом в этом году.

Никто не остается в Лондоне на зиму. Оливия попыталась скрыть свое изумление.

— Понятно, — кивнула она.

— Возможно, вы слышали... — Дворецкий задумался. — Я бы хотел заверить вас, что о таком нанимателе, как его светлость, можно только мечтать.

Бедняга Джонз! Собственная лож приводила его в уныние. Оливия едва сдержала желание взять его под локоть, чтобы немного успокоить.

— Ничуть не сомневаюсь в этом, сэръ, — сказала она.

Не такую лож она собиралась говорить сегодня. Да, Оливия предполагала, что ей придется подчиниться и, может, даже унизиться. В конце концов она пришла в дом самой пугающей фигуры в британской политике: Аластер де Грей, пятый герцог Марвик, друг принцев, покрови-

тель премьер-министров и кукловод бесчисленных членов парламента. Оливия предполагала, что его старшая прислуга будет горделива и высокомерна, как и все прислуги в больших домах.

Но если Марвик когда-то управлял нацией, то сейчас у него не получается управлять даже собственным домом. Его слуги одичали. Это казалось Оливии абсолютно бессмысленным. Элизабет говорила о нем как о всемогущем тиране... но тиран ни в жизнь не потерпел бы такого хаоса.

И как только Оливия совершит свою кражу, на этого находящегося в осаде дворецкого — единственного человека в доме, проявляющего хоть немного здравого смысла, — свалят всю вину за то, что он нанял ее на работу.

Она не может этого сделать. Использовать этого несчастного просто отвратительно.

— Мистер Джонз... — заговорила Оливия одновременно с дворецким.

— Мисс Джонсон, у меня к вам очень необычное предложение. — Он сделал глубокий вдох — как ныряльщик, готовящийся к погружению. — У нас в доме не хватает экономки. Об этом вам... Об этом, уверен, вам уже сообщили служанки.

— Да нет, — солгала Оливия. Как далеко он заходит! Мистер Джонз не должен зависеть от сплетен прислуги. Его дело — предотвращать их.

— Ну да... Она подала заявление... весьма неожиданно. Хотел бы я знать... — Джонз промокнул лоб носовым платком. — Видите ли, мне пришлось в голову... Леди Риптон весьма высокого мнения о вас, она даже утверждает, что вы заняли должность ниже, чем заслуживаете, когда начали служить ей личным секретарем и компаньонкой, потому что ей это было необходимо...

Она же просила Аманду не приукрашивать!

— Леди Риптон слишком добра, — возразила Оливия. — Да, это верно, очень редко бывали случаи, когда я ей помогала...

— Видите ли, у нас проблема с экономкой... — Джонз говорил, запинаясь на каждом слове; было понятно, что его пугает собственное предложение, и он хотел бы поскорее покончить с этим делом. — Пока мы не нашли ей замену,

10 мне нужно, чтобы кто-нибудь взял на себя обязаннос-

ти миссис Райт. Вы образованы, знакомы с укладом жизни представителей высших классов. И я хотел бы знать, не могли бы вы занять ее место — до тех пор, разумеется, пока я не найду ей замену. Только до тех пор.

Оливия затаила дыхание. Такой удачи она и предположить не могла. Она отчаянно нуждается в оружии. И у герцога Марвика, похоже, это оружие есть. А экономка сможет искать его повсюду.

Но — тут ее настроение упало — это все равно будет обманом. И в конце концов Джонзу придется заплатить за него своим местом.

— Я не смогу, — пролепетала она. — У меня нет опыта.

— Я вас всему научу. — Джонз схватил ее за руку. — Честное слово, я умоляю вас, мисс Джонсон... — Он крепче сжал ее руку, а голос его зазвучал тише. — Подумайте, какое огромное преимущество вы получите в будущем. Вы сможете говорить, что служили экономкой в доме его светлости. Боже, да ни одна служанка в вашем возрасте о таком даже не мечтает!

Джонз осторожно выпустил ее руку. Конечно, он прав. Если бы она на самом деле была Оливией Джонсон, горничной, прислуживающей в гостиных, а не Оливией Холлидей, бывшим секретарем, действующим под своим вторым псевдонимом да еще и с фальшивым рекомендательным письмом, она бы ни за что не упустила такую возможность.

Поэтому, чтобы не вызывать подозрений, Оливия сказала:

— Действительно, это большая честь. Но вы должны дать мне денек-другой, чтобы обдумать ваше предложение. Чтобы я могла сама себе ответить на все вопросы и понять, достойна ли я этой работы.

Смирение Оливии пришлось Джонзу по душе. Улыбнувшись, он согласился на ее условия.

— А-а, это вы. — Миссис Примм отошла в сторону, пропуская Оливию в запущенный маленький холл.

Миссис Примм вела себя так, словно оказывала своим жильцам большую милость, позволяя им снимать у нее комнаты размером с мышиную нору. При этом она прятала уголь, так что каждую ночь они засыпали, дрожа от холода. Но готовила она замечательно! Оливия принялась: в воздухе стоял чудесный аромат тушеной баранины — насыщенный, пряный.

— Ужин уже подали?

— Подали и съели, — заявила миссис Примм. — Вы же знаете, что я никого не жду.

Скрыв разочарование, Оливия пошла вверх по лестнице. В животе ворчал, но голод ее не убьет.

Оказавшись в своей комнате, Оливия опустила на колени, чтобы убедиться в том, что ящик с замком по-прежнему стоит под кроватью. Она жила в постоянном страхе, что кто-нибудь может украсть его.

Во время поездки на омнибусе она проводила в уме расчеты, оценивая свои возможности. Настала пора подумать о том, чего ей больше всего не хотелось: о побеге на Континент, в какое-нибудь далекое местечко, в котором Бертраму и в голову не придет ее искать.

Оливия подняла глаза на рисунки, которые прибила к стене. Все это были милые картинки, вырванные из журналов. Увитый плющом коттедж, в окне которого горит лампа. Деревня, заснувшая под снегом. Слащавые мечты, но Оливия не могла смеяться над ними, не могла избавиться от них, как ни старалась.

За границей она всегда будет незнакомкой. Вынужденная избегать британских экспатриантов, она станет еще более одинокой, чем сейчас.

Ха! Оливия отогнала жалость к себе. Горьковато-сладкое, липкое чувство. Если человек слишком долго предается ему, то в конце концов оказывается в ловушке.

Отперев замок на ящике, Оливия с удовлетворением взвеса в руке свои фунтовые купюры — внушительный кирпичик накоплений. Элизабет Чаддерли платила ей щедрое жалованье, и этих денег вместе с накоплениями матери хватит на несколько месяцев безбедного существования, если Оливия не найдет работы фрейлины, синьорины или мадемуазель.

Оливия положила деньги, а потом, поскольку месяцами не позволяла себе смотреть на сундучок, вынула из него дневник своей матери. Кожаную обложку надо бы смазать маслом, потому что она кое-где начала трескаться. Но почерк матери по-прежнему оставался каллиграфическим и ярким.

Мама никогда не боялась Бертрама. Если бы он всег-

сейчас. Она пролистала наблюдения за цветами, описание сменяющих друг друга времен года, платьев, только что привезенных из Лондона, и, конечно же, себя самой: «Мой драгоценный ангел стал девушкой. Я даже не понимаю, как это произошло». Последняя запись — вот что всегда привлекало Оливию. Каждый раз! И это была единственная запись, которую она не понимала.

«Правда спрятана дома».

Какая правда? Тайна останется нераскрытой, потому что Оливия не решалась поехать в Алленз-Энд.

Ступеньки застонали. Оливия едва успела спрятать сундук, как в замке загремели ключи.

— Неужели я не могу побыть одна? — спросила она, когда дверь открылась.

Миссис Примм не обратила внимания на ее слова.

— Есть кое-что, — кислым тоном проговорила она, — о чем я забыла сказать раньше.

Оливия встала. У нее больше не будут вымогать деньги.

— Я уже согласилась на новую работу, мэм, — сказала она. — Вы сказали, что ваша цена — окончательная. И я содержу комнату в порядке...

— Сегодня вас искал какой-то мужчина, — сообщила миссис Примм.

Оливию охватил страх.

— Что?! — переспросила она.

«Будь спокойна!» Оливия откашлялась.

— Как любопытно. Понятия не имею, кто бы это мог быть.

У миссис Примм было круглое, розовошеекое лицо. Это придавало ей выражение благожелательности, которая никак не вязалась с ее циничным тоном.

— Я знала, что вы так скажете, — заявила она. — Он пришел пешком, да... Хорошо одет, но говорит не слишком хорошо.

— Он представился? — Оливии не верилось, что она говорит таким безразличным тоном. Ее кожа покрылась мурашками, Оливии приходилось сжимать зубы, чтобы они не стучали.

— Манн, что ли... Нет, Мур... — Миссис Примм удовлетворенно кивнула, не заметив, к счастью, тихого

звука, вырвавшегося из груди Оливии. — Он, прошу заметить, оставил свой адрес и попросил, чтобы я сообщила ему, когда вы вернетесь.

— И вы... — Только сейчас Оливия почувствовала, что сжимает свое горло — в точности, как это однажды делал Мур. Сунув руку в карман, она сжала ее в кулак. Томас Мур был человеком Бертрама, возможно, даже... нанятым им убийцей.

Миссис Примм пожала плечами:

— Знаете, он не полицейский, а я не сваха. Я сказала ему, что вас ждет продвижение по службе.

— О! — Оливия яростно заморгала и попыталась взять себя в руки, потому что ее охватило абсолютно неподобающее желание обнять миссис Примм. — Спасибо! О, спасибо вам, мэм! — Как она недооценивала эту сварливую пожилую даму!

Хозяйка прервала ее благодарности, резко скривив рот.

— Мне неприятности не нужны, — заявила она. — Вы должны уйти немедленно.

— Как вы думаете... В общем, могу ли я воспользоваться задней дверью?

Миссис Примм угрюмо кивнула:

— Думаю, можете. А если вам вновь понадобится жилье, сюда возвращаться не стоит. Вы меня поняли?

— Я не вернусь. Обещаю. — Это было самое легкое обещание в ее жизни.

Дверь закрылась. Оливия быстро собрала вещи. Каждый раз, убегая, она оставляла больше, чем брала с собой. Все ее вещи помещались в единственный чемодан, вес которого свидетельствовал о ее собственных неудачах. Господи, ну как Бертрам мог найти ее здесь? Она так старательно заметала следы.

За пределами дома, в узком проходе позади него, уже стемнело. Эта тропинка была единственной причиной, заставившей Оливию поселиться в доме миссис Примм. Но она молила бога, чтобы ей никогда не пришлось воспользоваться ею.

Оливия стала быстро спускаться по изрезанной бороздами тропе. Куда ей пойти? Аманда с мужем уехали в Италию. Лайла, живущая у своего нанимателя, не могла пустить ее

к себе. Но не может же женщина бродить ночью по городу, умоляя пустить ее на ночлег. Все пароходы, идущие

щие на Континент, отбыли с утренним приливом. Можно, конечно, отправиться на вокзал Ватерлоо и сесть на первый же уходящий поезд, но что она будет делать, приехав посреди ночи бог знает куда?

Шум улицы с каждым шагом становился громче — звон сбруи, стук колес; в толпе Оливия будет в безопасности. «Ты и так в безопасности», — сказала она себе, чувствуя, как все быстрее бьется сердце. Нет, это не так. Человек Бертрама знает, что она в Лондоне.

«Его светлость не хочет неприятностей». В тот первый вечер в Лондоне семь лет назад Мур встретил ее на станции. Он сидел напротив нее в одноконном экипаже Бертрама; висевшая сбоку лампа то освещала его лицо, то оставляла его в тени. Под ритмичный стук колес Мур становился то видимым, то невидимым. «Похоже, неприятности — это вы».

Мур заманил ее в экипаж, пообещав отвезти в какой-нибудь приличный отель. Он сказал, что Бертрам велел ему позаботиться о том, чтобы она поселилась в безопасном месте. Поскольку до этого Бертрам горячо противился плану Оливии приехать в Лондон, подобная доброта удивила ее. Но она предположила, что это своеобразное извинение. Наверное, Бертрам чувствует себя виноватым из-за того, что пропустил похороны мамы.

Но его слуга не отвез ее в отель. Вместо этого экипаж свернул на дорогу, которая становилась все темнее, и вскоре они уже ехали в первозданной тьме болот. А когда Мур говорил о неприятностях, Оливия сначала удивилась, а потом испугалась. «Я не причиню ему неприятностей, — сказала она. — Я же говорила Бертраму, что мне от него ничего не нужно. У меня теперь собственные планы».

Но Мур, похоже, не слышал ее.

«Ему неприятности не нужны, — повторил он. — Так что я возьму их на себя».

А потом он продемонстрировал Оливии, что подразумевал под этими словами.

Она до сих пор чувствовала, как его руки сжали ей горло. Воспоминания об этом были совсем живыми. Мозг человека вытворяет странные вещи, когда ему не хватает кислорода. Он видит цвета, огни, картинки лучших времен, когда человек чувствовал себя любимым.